

СВЯТОТАТСТВО – ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЦЕРКВИ В XVI–XVII вв. НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Рытова Наталья Николаевна

Белорусско-Российский университет (г. Могилев, Беларусь)

В XVI–XVII вв. на белорусских землях действовали параллельно нормы государственного и канонического права, что оказало влияние на судебную практику того времени. Несмотря на то, что преступления против церкви, к числу которых относилось и «святотатство» относились юрисдикции духовных судов, но они часто попали в светский суд, где и рассматривались согласно нормам Статута 1588 г., хотя в некоторых делах и делается отсылка к «божьему праву».

В XVI–XVII в. на белорусских землях действовали параллельно нормы государственного и канонического права. Уже в памятнике древнерусского права «Уставе князя Владимира» было осуществлено разграничение юрисдикции светского и церковного законодательства. К компетенции церковного суда были отнесены следующие дела: «А се ц(е)рк(о)внии соуди: роспоустъ, смилное, заставанье, пошибанье, умычка, промежи мужоми женою о животе, въ племени или въ сватстве поимоутся, ведьство, зелии'ничество, потвори, чародеяния, волхования, оурекания три: блядею и зельи, еретичество, зоубоежа, или с(ы) нь о(т)ца бьетъ, или м(а)т(е)рь, или дщи, или снъхе свекровь, братя или дети тяжаютьс(я) о задницу, ц(е)рк(о)вная татба, м(е)ртв(е)ци сволочать, кр(е)сть посекуть или на стенах режють, скотъ, илїпсы, или поткы без великы ноужи въведет, или ино что неподобно ц(е)ркви подеють, или два друга иметася бити, едїного жена 'метъ за лоно другаго и роздавить, или кото застаноуть съ четвароножиною, или кто молитъся подъ овиромъ, или в' роцены', или оу воды или девка деля повържетъ... Те все соуды церкви даны соутъ. Князю и бояромъ и соудыамъ ихъ в' ты соуды нельзе въступоуватїся» [2, с. 23–24]. Данный памятник канонического права позволяет понять, какие дела находились в юрисдикции духовного суда.

Еще один памятник канонического права «Устав князя Ярослава» не только очерчивает юрисдикцию церковного суда, но и содержит нормы, определяющие санкции за те или иные преступления. Стоит отметить, что в данном документе отсутствуют нормы за такие виды преступлений, как кража или уничтожение церковного имущества, разорение могил, которые фигурируют в «Уставе князя Владимира» [2, с. 85–91]. Сложно сказать, чем это было обусловлено. Между тем реальная практика показывает, что при рассмотрении подобных дел фигурирует с одной стороны отсылка к «Божьему праву». Например, в 1590 г. в суде Могилевского магистрата рассматривалось дело о краже вещей, где обвиняемый

был приговорен к смертной казни: «водлугь права Божьего, сказалисьмо его на смерть, абы былъ обвешонъ...» [3, с. 501–503]; с другой – «праву посполитому» [4, с. 264], т.е. светскому законодательству, которое в то время была представлено Статутом 1588 г. Более того, артикул 7, 14 раздела Статута предусматривал в качестве санкции смертную казнь, за кражу, если сумма украденного превышала 4 копы крошей [5, с. 452], и именно такой приговор выносился в отношении людей, совершивших «святотатство» (кражу церковного имущества). Такой приговор был вынесен в отношении всех обвиняемых, чья вина была полностью доказана вне зависимости от социального статуса преступника. В частности, в 1668 г. к смертной казни был приговорен землянин Городенского повета Федор Юрьевич Куликовский: «вышпоменованого пана Федора Кулика яко святократцу на спалене всказуемъ...» [1, с. 343], а в 1600 г. к смертной казни был приговорен могилевский мещанин Омелян Остапкович за то, «што ижъ дей онъ, запомъневшы боязни божъее и срокости права посполитого, важиль ся скоимъ злымъ учынкомъ церковь святого Миколу выкрасть, въ которой церкви покраль... воскъ свечовый, серебро зъ евангелей и съ крыжовъ рызы...» [4, с. 264–265]. Сожжение на костре – наиболее распространенная санкция в отношении преступников, совершивших «святотатство». Она была применена по отношению к могилевским мещанам Омельну Остапковичу, Ивану Процковичу Куле и Данииле Чоботорю в 1600 г., в 1620 г. – пономарю Матвею и могилевскому мещанину Демиду Артоховичу, пономарю церкви Успения Пресвятой Богородицы г. Могилева Стаско Литвину в 1630 г., к Федору Куликовичу в 1668 г. [1, с. 343; 4, с. 264–270; 320–325, 431–435]. Между тем встречается и такой вид приговора, как смертная казнь через повешение (к смертной казни через повешение был приговорен житель г. Могилева кушнер Михаил Микитинич в 1590 г.) [3, с. 501–503]. При рассмотрении данного вида преступлений прибегали к пыткам для того, чтобы установить достоверность полученных от подозреваемых сведений: «сказали есьмо того Омеляна Остапковича, для выведываня на немъ правды, на муку...» [4, с. 264–265]. К пытке можно было прибегать, согласно статьям Статута 1588 г., не более трех раз, при этом не допускалось причинение таких повреждений, которые бы могли привести к тому, что человек становился калекой [5, с. 451–452]. И хотя в целом достаточно сложно судить, какие именно пытки применялись в отношении подозреваемых. Однако, архивные документы зафиксировали случаи, когда преступники, совершившие «святотатство», стремясь избежать пыток пытались покончить жизнь самоубийством: «Матвей, пономарь, уходечи каранья правного у везенью, вжо на споведи и по прынятю Тела Божего, ножомъ се сколеть...» [4, с. 320–325].

Интересным является также и тот факт, что нередко в качестве фигурантов дела выступают люди, имеющие непосредственное отношение к церкви, в которой совершается преступление. Так в 1620 г. в краже имущества из церкви Святого Воскресенья в г. Могилеве принимал участие пономарь этой же церкви Матвей, а в 1668 г. был пойман на хищении церковного имущества органист Новгородского костела Станислав Ягелович, последнего подговорили совершить «святотатство» землянин Городенского повета Федор Юрьевич Куликовский [1, с. 341–343; 4, с. 320–325]. Преступники были приговорены к смертной казни. В последнем случае, такой же приговор был вынесен и в отношении Демиды

Артемовича, который знал о совершенной краже, но не только не сообщил о случившемся, но и помогал скрыть следы преступления. Он был признан соучастником и приговорен к смерти [4, с. 320–325]. Это полностью соответствовало артикулу 19 раздела 14 Статута 1588 г.: «Тот кто знал о воровстве или вор поделился с ним добычей, тот наказывается смертью как и сам вор» [5, с. 452].

Таким образом, в XVI–XVII вв. на белорусских землях действовали параллельно нормы государственного и канонического права, что оказало влияние на судебную практику того времени. Несмотря на то, что преступления против церкви, к числу которых относилось и «святоотатство» относились юрисдикции духовных судов, но они часто попали в светский суд, где и рассматривались согласно нормам Статута 1588 г.

Литература

1. АВАК: в 39 т. – Вильна : Типограф. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 1: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
2. Древние русские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я.Н. Шапов – М.: Наука, 1979. – 239 с.
3. ИЮМ: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебск, тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 7: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1577–1591 гг. / под ред. Созонова. – 1876. – 517 с.
4. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева за 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591–1634 гг. / под ред. Созонова. – 1877. – 530 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 573 с.